

ОЛЬГА МАРТИНЕС

1001 день из жизни ненастоящей женщины

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Ольга Мартинес

**1001 день из жизни ненастоящей
женщины. Реальные истории**

«Издательские решения»

Мартинес О.

1001 день из жизни ненастоящей женщины. Реальные истории /
О. Мартинес — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904335-1

Вот в чем смысл жизни **НАСТОЯЩЕЙ** женщины? Сделать головокружительную карьеру? Постичь внутренний дзен? Нет! Смысл жизни настоящей женщины — выйти замуж, сразу и навсегда. Блистать, повелевать, пить смузи и ходить в фитнес. А потом умереть в девяносто, но выглядеть в гробу, как Мелани Трамп на инаугурации. Остальные, то есть женщины **НЕНАСТОЯЩИЕ**, все делают через задницу. Знакомьтесь, это я. Обо мне и таких, как я: смешные реальные истории из жизни и повесть «С днем рождения, Сандра!»

ISBN 978-5-44-904335-1

© Мартинес О.
© Издательские решения

Содержание

ДЕВОЧКИНО ВОСПИТАНИЕ	6
В ПОИСКАХ ГЛУБОКО ЗАРЫТЫХ ТАЛАНТОВ	8
ТАПОЧКИ	10
РОКОВАЯ КРАСОТА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

1001 день из жизни настоящей женщины

Реальные истории

Ольга Мартинес

Иллюстратор Анна Динкел

© Ольга Мартинес, 2018

© Анна Динкел, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4335-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот в чем смысл жизни **НАСТОЯЩЕЙ** женщины? Сделать головокружительную карьеру? Постичь внутренний дзен или, на худой конец, просто стать хорошим человеком? Нет! Смысл жизни настоящей женщины – выйти замуж, сразу и навсегда. Родить идеальных детей, которые непременно станут нобелевскими лауреатами. Все это полагается проделывать элегантно, на одном дыхании, ни на секунду не теряя лица и маникюра.

Следующие семьдесят лет ей нужно управлять империей легким движением бровей. Блистать, повелевать, пить смузи и ходить в фитнес. А потом умереть в девяносто, но выглядеть в гробу, как Мелани Трамп на инаугурации.

Остальные, то есть женщины **НЕНАСТОЯЩИЕ**, все делают через жопу. И мужики у них ненастоящие, не принцы, а сплошной хлам. У некоторых так вообще мужа нет. И дети у них ходят в соплях и не умеют в год есть ножом и вилкой. Сами они жирные, депрессивные, с невымытой головой. Предполагается, что эти существа всю жизнь завидуют женщинам настоящим. Смотрят на них в телевизоре и мечтают, что однажды... Но нет.

Ненастоящая женщина – это уже не человек. Ее главная задача – выжить! Вопреки всему: мужу, семье, детям и здравому смыслу. Вся ее энергия направлена на то, чтобы сохранить то, что она построила своими руками, и не убить то, что она родила собственной... ну, не будем о грустном. Ведь этот изнурительный отрезок и называется **НЕНАСТОЯЩАЯ ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ**.

1001 ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ НЕНАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Эволюция, задуманная мудрой природой – это когда из незначительной личинки со временем вылупляется жирная гусеница, которая ничего не делает, только лежит, и хоп – она уже стройная бабочка!

Эволюция, которую придумали мы, происходит точно наоборот. Вот она порхает прекрасной бабочкой, которую только слепой не хочет заполучить себе в коллекцию. Причем в эту коллекцию она рвется с собственной булавкой наперевес.

Проходит немного времени, и это уже не бабочка, а жирная гусеница. Которая пашет столько, что вот-вот окуклится с концами. Но вместо того, чтобы включить мозги и дать деру, она начинает размножаться личинками. Что это? Любой здравомыслящий человек вам ответит матом, и только женщина скажет – **ЭТО СЧАСТЬЕ!** Счастье настоящей женщины, о котором следующие два часа я вам буду рассказывать.

ДЕВОЧКИНО ВОСПИТАНИЕ

Моя мама хотела, чтобы я никогда не повторяла ее ошибок. Ведь самое главное: в начале жизни получить правильное девочкино воспитание. Чтобы иметь право на настоящую жизнь.

В самом конце семидесятых, справедливо не доверяя советской педагогической системе, мама озаботилась поиском гувернантки. Чтобы служила для меня примером в будущей нелегкой женской жизни. Ведь мне уже исполнилось четыре года!

Денег, понятное дело, не было, но все решали связи.

Поэтому каждые выходные меня возили к баронессе Нольке. Эта чудесная старуха восьмидесяти лет от роду жила в своем собственном особняке в центре, в переулках. После революции ее, конечно же, уплотнили жилтоварищами, щедро оставив бывшей владелице целую комнату. К тому времени этот особняк был в аварийном состоянии расселен, и баронесса ненадолго вновь стала его полноправной хозяйкой.

Чтобы задержаться в детской памяти, необходимо произвести неизгладимое впечатление, и саму старуху я едва помню. Зато я помню ее вещи.

Зеркало в золоченой треснутой раме. Оно было совершенно потемневшее внутри. Можно было смотреться в него бесконечно, и казаться самой себе другим, незнакомым человеком. Коробка с веерами. Они были очень хрупкими и принадлежали разным эпохам. Тут веер от бабки-фрейлины и веер самой баронессы с первого бала. Мне нравилось вдыхать этот чудный нафталиновый запах.

Жемчужиной ее уцелевших сокровищ была ванна на изогнутых львиных ножках. Я стояла около нее часами. И клянчила, чтобы мне разрешили мыться в этой необыкновенной ванне, но в доме уже отключили горячую воду.

У старухи нашлись родственники в Германии, и она сидела последние дни, прощаясь со своим домом. Страну она покидала без сожалений. Единственное, что омрачало ее существование, – яйца. Которые застряли в детской памяти как «яйца Бланманже». Она не хотела оставлять эти яйца «большевикам», и боялась, что их отнимут на границе. Что касается меня, то я бы бросила эти загадочные яйца и тащила бы с собой ванну.

Позже, когда мне исполнилось пять, мама работала в детском саду, а вечерами подрабатывала в музее. Поэтому из бывшей союзной республики, из какого-то Жопостана, была выписана Лилия Ричардовна. Дочь английского дипломата и бывшая политзаключенная.

Эта строгая старуха с пучком своими замечаниями доводила меня до белого каления.

– Девочке пять, а она не говорит ни по-английски, ни по-французски! – каждый вечер вычитывала она моей матери, и голос ее дрожал от возмущения.

А еще она все время ругала наши продукты, называя их «экскрементом». Она вообще все время изъяснялась эвфемизмами.

Я давно поняла, что Ричардовна – мой классовый враг. И меня накрывала холодная спокойная ярость.

По какой-то необъяснимой причине щеколда в нашем туалете была снаружи, и я с упоением запирала бывшую британскоподданную в туалете. Прошлый опыт тюремной жизни очень пригодился ей, и она стала прятать книги под ванной, за коробками со стиральными порошками. Когда я обнаружила ее схрон, бешенству моему не было предела. Я додумалась подставлять стул и гасить свет в туалете.

Слезами и скандалами я уговаривала мать прогнать старуху Ричардовну. Она не соглашалась ни в какую.

Тогда я в очередной раз заперла ее в туалете и сложила под дверью костер из ее вещей. На следующий день, к нашему обоюдному облегчению, ее поменяли на прибывшую за московскими женихами Гулю из Казани.

У Гули я научилась говорить с акцентом, коряво ходить на маминых каблуках и обводить глаза синим. Но самое страшное – я начала пространно рассуждать о мужчинах. Поэтому от Гули пришлось избавиться тоже, и в тот день, когда мне исполнилось девять, меня отправили к моей бабушке Ленке в Симферополь. Бабушка никогда не пошла бы на эту авантюру, если бы не крупная сумма денег, которую давали со мной в придачу. Еще бы! Она видела меня второй раз в жизни!

Пару лет тому назад Ленка сменила просторную сталинку на Новослободской на уютную хрущевку в Симферополе, красиво погуляв на разницу. Теперь перед бывшей цирковой артисткой и опереточной певичкой стояла задача снова «устроить свою жизнь». В восьмой или девятый раз. Ей было около шестидесяти пяти. Была она подтянутой и легкой. Вместо юбок носила широкие платки, замотанные вокруг талии. Красила седые волосы в розовый цвет. С утра летала по квартире молнией и пела опереточные арии высоким, чистым, несколько не надтреснутым голосом.

Каждый день у нее собирались гости. На столе с вечера оставались невымытые чашки и блюда. Ленка роскошным жестом заворачивала их в скатерть и швыряла на пол. Жалобно звенела разбитая посуда, а Ленка посылала подружек на кухню за новым сервизом.

Потом они садились обсуждать женихов, разом посватавшихся к бабушке. Кого выбирать? Большого пожарного начальника, который протянет долго? Или контр-адмирала, который долго не протянет?

Я сидела, крепко зажмурившись, и обещала себе, что если у меня будет жених, то я буду любить его сильно-сильно. Всю жизнь.

И наврала, конечно.

Вечерами, уложив детей, перемывая на сумеречной кухне кастрюли, уставшая и выжатая за день, я вспоминаю баронессу, Лилию Ричардовну и... Ленку даже! И сожалею, что ничему у этих настоящих женщин не научилась.

В ПОИСКАХ ГЛУБОКО ЗАРЫТЫХ ТАЛАНТОВ

Когда мамина блестящая идея правильного женского воспитания провалилась и стало ясно, что ничего путного из меня не выйдет, она решила развить мой талант. Только сначала его надо было найти.

Мне исполнилось шесть, и родительница отвела меня в спортивную школу олимпийского резерва. Там тренером юношеской сборной трудилась ее подруга. Какие-то люди меня гнули вперед и назад, поочередно подвешивали на брусья и кольца. Эти люди все время морщились. Дело пошло веселее, только когда пришла очередь батута.

– Да она с такой жопой переломает нам все снаряды! – резюмировала тренерша.

– Но ведь на батуте у нее почти получилось, – возразила ей мама.

– В роли летающего бочонка твоя дочь, безусловно, впечатляет. Но если я возьму ее в гимнастику, меня тут же уволят из сборной.

Маму так просто было не сломить, и она отвела меня туда, где лучше понимают в талантах, то есть в балет. Девочки с пучками и в одинаковых пачках репетировали танец колосков. Я решила сразу убить их «Лебединым озером». Старуха-балетмейстер вернула меня маме со словами:

– Я много повидала, но вот лебедей, у которых вместо крыльев кочерга... М-да...

С балетом было покончено.

Дальше последовали: фигурное катание...

– Очень, очень способная и пластичная крошка! А вы не пробовали отдать девочку в конькобежцы?

Меня попеременно выгоняли из лыжников, живописцев, кружков юннатов и... Затем меня оставили в покое, признав поиск хоть какого-нибудь завалящего таланта пустой тратой времени.

Но тут случился хор...

В третьем классе нам выпала неслыханная удача. В школе организовали хор. Я записалась первая. Я уже видела себя на сцене в шляпе и черных сетчатых чулках а-ля Лайза Минелли.

Но еще не знала, что кабаре и революционный хор – это разные вещи.

Нас поставили в ряд и зачитали репертуар. Я все еще продолжала надеяться на шляпу и мюзикл с Бродвея, но хоровичка была неумолима, и мы запели:

– Мы же-е-е-ертвою пали в борьбе роковой...

Она зверела:

– Вы жэ-э-э-э-э! Вы самое настоящее жэ-э-э-э! Там пали лучшие из лучших! Жертвою пали! А вы! Блеете, как овцы с аула! Вы должны быть похожи на жертв революции!

Я не хотела быть похожей на жертву революции и решила дожидаться своей шляпы и мюзикла с Бродвея. Но следующая песня была про «Мы беззаветные героини все, и вся-то наша жизнь есть борьба!».

– Мы кр-р-р-расная кавалер-р-рия! – гремела хоровичка.

– Мы бе-е-е-е-е-е... – нестройно стонали мы и рвали последний хоровичкин нерв своей безнадегой. Никто не хотел бороться за жизнь.

Близилось школьное выступление перед ветеранами. Ветеранов насильно пригнали из подшефного дома престарелых, что был напротив школы. Такое с ними случалось раз в месяц, и те, что в своем уме, начинали исступленно завидовать тем, кто в беспамятстве.

Меня, как не показавшую ни слуха, ни революционного задора, посадили на стул посреди сцены.

Мне отводилась ключевая роль. В заключительной песне «Мы красная кавалерия, и про нас...» я должна была стучать по стулу, на котором сидела, изображая конницу Буденного.

Но за неделю до этого мама отвела меня к ортодонту и мне поставили пластинку на нижние зубы. Не брекеты, а съемную распорку, которая крепилась проволокой и постоянно вылетала изо рта.

Ветераны откровенно страдали и жидко хлопали. Пока не прискакала красная кавалерия. Пластинка была неудобной, я от нефига делать толкала ее языком. Внезапно она встала дыбом и заклинила мне распахнутую челюсть. Я пыталась выплюнуть ее без рук, гримасничая, как Джим Керри.

Я сразу стала похожа и на жертву революции, и на Троцкого с ледорубом в черепе, и на подстреленного Фаней Ильича в придачу.

Я видела, как медленно вылезали на лоб глаза хоровички, и она трясла головой, чтобы кавалерия быстрее сгреблась со сцены. Но я продолжала стучать на стуле и строить дикие рожи, пока пластинка не вылетела вон и не шлепнулась ей под ноги.

В зале аплодировали все, кроме дирекции. Да, пусть вот так, пусть без сетчатых чулок, но и в моей жизни была короткая минута славы!

ТАПОЧКИ

Впрочем, зачем вам чужой печальный опыт. Вы же имели свой! Даже еще круче! Все коллективное женское бессознательное, что складывалось в нас годами, накапливалось с детства, как подготовка к единственно важному событию в жизни – к СВАДЬБЕ, должно вот-вот взорваться феерической любви навстречу. Биологические часы, как таймер на мине замедленного действия, уже пошли по третьему кругу. Но только на горизонте – пустота!

Такого факта у настоящей женщины никогда не случается, но ненастоящая, которая второй сорт, готовится встретить счастье во всеоружии. Газон подстрижен, дорогостоящий педикюр пропадает, а Германа все нет.

Полно тех, что готовы свиньей резвиться на газоне, плотно ужинать и ехать прочь на ночной электричке. Но нет ни одного, кто позвонит в дверной звонок твердой мужской рукой. Поставит чемодан с несвежим исподним на порог и скажет: «Я пришел к тебе. Навсегда».

Однажды я и мои подруги, находящиеся в этой обидной ситуации, затеяли выпить. Пожрать, поржать и порыдать. Все как у всех.

И вдруг одна говорит:

– А-а-а... осталось последнее средство! Иду покупать тапочки!

– Беленькие? – испугались мы.

– Нет, мужские, сорок пятого размера!

И поведала, что, если купить мужские тапочки да в полнолуние войти в свою квартиру с этими тапочками на руках, в ней тут же мужик поселится. Навсегда.

– Только тапки надо брать дорогие, – сказала она, отрубаясь, – а то возьмешь дешевые резиновые – и мужик придет никудышный. Алкоголик.

И забылась тяжелым пьяным сном.

Наутро я решила: чем изводиться от любопытства, надо купить тапки и попробовать. В ближайшее полнолуние, ровно в двенадцать я открыла дверь своей квартиры. Как была, в пижаме, встала на карачки, одела тапочки на руки и поползла внутрь своей квартиры. Мужик-то не по воздуху должен прилететь – ногами прийти, иначе это не мужик, а привидение.

Молила только об одном: чтобы соседи не увидели, а то испортят мой праздник санитарами.

И ведь сбылось! Заселился в квартиру отличный мужик.

Правда я потом пожаловалась этой же подруге, что теперь выгнать его трудно.

– Это фигня, – сказала она, – надо в новолуние написать на бумажке его имя и положить в холодильник. Он сам отморозится.

Не поверите, этот обряд срабатывает у многих. У меня же сработал! Оставьте принцессам принцессино. Нам придется за свое счастье побороться. У нас, неудачниц, есть право только на один выстрел. И он должен быть смертельным. Роковая красота подойдет.

РОКОВАЯ КРАСОТА

Отправились мы всей семьей к друзьям на юбилей. Нарядные, причесанные и торжественные. Мигель по такому случаю облачился в свой единственный костюм, купленный пять лет назад на собственную свадьбу. Я напялила платье – подарок мужа.

Платье я выбрала скромное, от Joseph Ribkoff. Ничего блестящего, обтягивающего и вульгарного. «Обычный картофельный мешок, – вздохнув над ценником, резюмировал мой муж, – а между тем платье за такие деньги должно быть СНОГ-СШИ-БА-ТЕЛЬ-НЫМ!» – добавил он, с трудом застегивая пиджачную пуговицу.

То есть, пройди я в нем по улице, прохожие должны врезаться в деревья и падать в открытые люки. Гроздьями и коллективно. Иначе платье поставленную задачу не выполнит. Но если в радиусе пяти гектаров засохнет все, включая суккуленты, вот тогда совсем другое дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.